

18+

Сергей Бесф

Три экстрасенса

ФЭНТЕЗИ

Сергей Бесф

Три экстрасенса. Фэнтези

«Издательские решения»

Бесф С.

Три экстрасенса. Фэнтези / С. Бесф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983591-8

Алина Тугалина во время научного эксперимента вышла за рамки своего тела. Волей обстоятельств она оказалась в теле своего бывшего одноклассника — Генриха Сардания, который в свою очередь переместился в тело другого человека. Астральная чехарда продолжалась до тех пор, пока за дело не взялись три экстрасенса.

ISBN 978-5-44-983591-8

© Бесф С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Необычный пациент	6
Глава 2 Повествующая об эксперименте, который иначе, как опасным не назовешь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Три экстрасенса ФЭНТЕЗИ

Сергей Бесф

© Сергей Бесф, 2020

ISBN 978-5-4498-3591-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Необычный пациент

6 авг. 2019г. 12 часов дня.

Старый психиатр, переживший свое время и много чего повидавший, с удивлением смотрел на молодого человека с бледным трагическим лицом и большими слезящимися глазами.

Врач беспрестанно приглаживал на себе переросшие разумные пределы седины и повторял одну единственную фразу:

– Ведь этого же не может быть.

Глаза психиатра выражали некое потрясение, которое нельзя было скрыть, спрятать или выдать за что-нибудь другое. Да в этом и не было нужды.

С каждой минутой он убеждался в правильности, однажды вкравшейся в его сознание мысли.

Предчувствие важнейшего открытия, связанного с тайнами человеческой души, не давало ему покоя.

Психиатр волновался и, по его мнению, задавал пациенту совсем не те вопросы, которые следовало задавать.

– Итак, молодой человек, вы утверждаете, что ваше имя не Генрих? – спросил психиатр, теребя узловатыми пальцами красивую новомодную ручку, подаренную ему сослуживцами по случаю очередного старческого юбилея.

– Я же уже сказал, что никакой я не Генрих, – ответил пациент и с такой искренней обидой посмотрел на врача, что у того комок подкатил к горлу.

Психиатр сузил глаза, как будто его напряженный пристальный взгляд мог помочь приблизиться к разгадке тайны.

Врач с трудом отвел глаза от пациента, чтобы в очередной раз он вернуться к истории болезни Генриха Сардания. Основными симптомами в карте больного значились внезапные провалы в памяти и потеря личностной идентификации.

Генрих вдруг отказался от своего имени, перестал узнавать близких ему людей и коллег по работе, полностью утратил профессиональные навыки.

При этом он сохранил осмысленность действий, ответственность за свое поведение, складную, логически выстроенную речь.

– Назовите ваше настоящее имя, если вы полагаете, что вы уже не Генрих, – отложив историю болезни, попросил психиатр.

Несчастное лицо пациента на мгновение исказила досадная антипатичная гримаса, но он сразу взял себя в руки, и ответ прозвучал в приемлемой для нормального восприятия тональности:

– А ведь я никогда не был Генрихом. Никогда... Если я назову вам мое настоящее имя, вы сочтете меня настоящим сумасшедшим.

Психиатр положительно качнул головой, показывая, что он понимает сложное психическое состояние пациента и принимает ход его рассуждений.

– Да, но, – как бы нехотя возразил психиатр, – если вы не скажете свое настоящее имя, тогда я посчитаю вашу психику неправильно функционирующей и назначу вам соответствующее длительное лечение.

– Это ваше лечение мне не поможет, – ответил пациент с такой уверенностью, что психиатр вновь проглотил комок. К тому же у него на подвисочной части щеки болезненно задрожал лицевой нерв. Чтобы скрыть сей нелицеприятный факт врач приставил ладонь к щеке.

Пациент, не обращая внимание на мучения врача, смахнул пот со своего белого веснушчатого лба и пригладил торчащие на голове короткие рыжие волосы.

– Вы же знаете, что я не Генрих. Я же вижу, что вы знаете, – пациент высказался приглушенным заговорческим тоном, как будто он страшно боялся, что его подслушают.

Психиатр опустил голову

– Моего знания мало. Я могу предполагать все, что угодно, в том числе и то, что вы не Генрих. Но это предположение, знаете ли, из области фантастики, – справившись с нервом, ответил врач.

– Вот именно, – подтвердил пациент. Только не очень было понятно, что именно он подтвердил.

– Но, кто же вы тогда?.. Пришелец из космоса?.. Марсианин? Назовите ваше настоящее имя, – попросил психиатр, незначительно повысив голос.

Пациент резко отрицательно покачал головой. Его большие карие глаза налились кровью.

Мешки под глазами раздулись и отдаленно напомнили психиатру, как человеку сведущему, некие таинственные корабли случайно зашедшие в не свою гавань. А когда всю зарботали желваки, выражение лица пациента сделалось самым решительным.

– Вы настаиваете, вы хотите знать... Так вот, знайте... Мое настоящее имя – Алина. Я – женщина. Можете так и записать – Алина Николаевна Тугалина, уроженка города Москвы. Я не замужем... Вот... Родители у меня служащие. Мать – филолог. Отец – адвокат. Только я давно с ними не живу, – пациент дрожал от нервного напряжения и при каждой фразе чуть вздрагивал.

Психиатр, услышав столь поразительный и парадоксальный по своей сути ответ, внешне несколько не изменился. Подтвердились его худшие опасения, но завеса тайны, к его удовлетворению, приоткрылась.

– Значит, вы – женщина? – после короткой паузы спросил врач, подтверждая своим тоном, что он по-прежнему верит пациенту.

Пациент вскочил с кушетки, поднялся во весь свой высокий рост.

– Разве вы не удивлены? И вы мне верите? – глаза пациента засверкали, заискрились, как молнии, на фоне темного загорелого лица.

– Вы присядьте, молодой человек. Не стоит так уж волноваться. Я прошу вас объяснить мне, почему вы, имея полноценное мужское тело, считаете себя женщиной, – старческий, блеклый голос психиатра звучал спокойно, приветливо и призывал к откровению.

Пациент присел на кушетку.

– Если бы это можно было объяснить, – ответил пациент, закрыв лицо своими большими жилистыми руками.

– А вы попытайтесь объяснить, – голос старика превратился в шепот, – я вижу, что вы не так уж и больны... Так, расскажите, сбросьте с себя этот груз.

– Это невозможно объяснить, доктор, потому что... потому что так не бывает, – пациент оторвал руки от лица, и психиатр увидел, что он плачет.

– Рассказывайте, – потребовал психиатр, – в жизни бывает всякое. Я давно живу и знаю, – старик открыл чистую страницу в истории болезни Генриха, взял ручку и приготовился записывать.

По лицу пациента потекли сочные слезные ручьи. Его глаза, еще недавно пылающие, застыли в мягком меланхолическом выражении. На фоне небритого лица, эти глаза казались неправильной нелепой аномалией.

Волны конструктивной энергии интенсивно пульсировали в голове психиатра. Врач нутром почувствовал, что он семимильными шагами приближается к разгадке тайны. Вечно ускользающая и всегда маячившая на горизонте истина, вдруг обнаружила способность открываться. Он думал о том, что приближается его час, может быть, единственный в исходящей жизни шанс. Успех, пусть и на закате жизни, все равно маячил, кружил перед ним, привлекал памятными плитами и улицами, названными в его честь.

Пациент перестал плакать, вытер слезы кулаком и доверчиво улыбнулся, глядя в понимающие глаза врача.

– Это тело не мое, – прошептал пациент до предела подняв брови. Одновременно он с легким пренебрежением прошелся рукой по своей широкой мужской груди, закрытой на все пуговицы алой рубахой, – вы можете себе представить?.. Это тело не мое! Это – не я... Когда я увидела эти руки и ноги... Мы учились с Генрихом в школе, в одном классе и...

У психиатра не ко времени похолодели руки, и сильнейшим образом задрожала нижняя губа, предвещая тяжелый мышечный спазм.

Лицо врача, и без того бледное, приняло синюшный оттенок, как у свежее испеченного мертвеца. Старая болезнь грозила опасным обострением.

Смерть в одушевленном представлении кружила, вертелась где-то рядом. И ее естественное к себе влечение надо было отодвинуть, отогнать, отсрочить, перевести на более позднее время.

У психиатра остались в этой жизни неоконченные дела и он всерьез рассчитывал на их завершение. Он считал себя ответственным вытащить на поверхность, обнародовать важные сведения, которые привели бы к разительным изменениям в существующем порочном социуме.

Врач выдвинул верхний ящик стола, вынул упаковку сильнодействующих таблеток и принял сразу двойную дозу. Губа быстро отошла. В голове положительно зашумело, а сознание сделалось предельно ясным.

– Значит, вы утверждаете, что ваше тело, якобы, вовсе не ваше. Вы говорите, что оно принадлежит человеку противоположного пола, с которым вы когда-то учились в школе. Я вас правильно понял? – спросил психиатр, сопровождая свой вопрос таким заинтересованным, таким проникновенным взглядом, что пациент от неожиданности дернул плечом.

– Да, – робким тоном подтвердил пациент, содрогаясь от внезапной мысли, что этот странный врач – не простой доктор, а какой-то таинственный демон судьбы.

Психиатр швырнул ручку на стол. Он вытер платком, взмокший от напряжения лоб, поправил большой бесформенный узел на своем красном старомодном галстуке и спросил:

– А, где же тогда, дорогая моя Алина Николаевна, позвольте мне вас так теперь называть, где в настоящий момент пребывает ваше женское тело? Где вы его оставили? Почему оно сейчас не с вами?

Пациент не успел ответить, поскольку дверь кабинета без стука отворилась и туда вошла невысокая эффектная женщина лет немногим выше средних.

В руке она держала небольшую папку, из той группы файлов, в которой в клинике велись истории заболеваний пациентов.

На высокой груди женщины блестел прикрепленный к белому халату бэдж: «главврач Зоя Ивановна Симакова».

Главврач положила папку на угол стола психиатра и бойким начальствующим тоном приказала:

– Посмотрите завтра, Оганез Михайлович. В этой папке еще один не совсем нетипичный случай.

Повернувшись к пациенту, она посмотрела на него с пристрастным профессиональным интересом.

– Ну, что он... признает себя? – спросила главврач, обращаясь к психиатру.

– Нет. Пока не признает, – ответил психиатр, – пациент продолжает утверждать, что он не Генрих Сардания... Но, не все так однозначно, Зоя Ивановна. Случай, я полагаю, неординарный.

– Я не сомневалась в сложности постановки диагноза, поэтому и передала этого пациента вам... Парень, в общем-то, нормальный. Рассуждает здраво. Реакции у него адекватные, глаза

светлые, ясные. Ранее он к нам не попадал, – сочувственно покачав головой, сказала главврач и вышла из кабинета.

Психиатр позеленел от злости. Нить открытой доверительной беседы с пациентом была упущена.

– Вот что, Алина Николаевна... – психиатр взял себя в руки и быстро успокоился, – попробуйте рассказать мне все, что с вами произошло с самого начала и, пожалуйста, во всех подробностях. Каждая мелочь, каждая незначительная деталь вашего рассказа может иметь важное принципиальное значение. Я имею в виду не только цепь событий, произошедших с вами, но и ваше субъективное отношение к ним, – психиатр вытянул указательный палец, заостря внимание пациента на своих последующих словах, – попытайтесь передать мне ваше настроение, глубинные переживания, фантазии, какими бы неудобными или стыдливymi они бы ни были.

Пациент с угрюмым выражением лица прилег на кушетку. Его дыхание и без того тяжелое, сделалось прерывистым, как у ребенка после перенесенных обид.

– Я устала доктор. Я так больше не могу. На меня столько навалилось всего. Мне так тяжело. Доктор, миленький, помогите мне. Верните мне мое женское тело. Сделайте что-нибудь.

– Я помогу вам, обязательно помогу, – обнадеживающим тоном ответил психиатр, – вы только расскажите все, что с вами произошло, а остальное доверьте мне.

– Если только вы поймете, если поймете, – пробубнил пациент таким возбужденным, таким трогательным тоном, что у врача повлажнели глаза.

Рассказ пациента психиатр воспринял спокойно. Он внимательно слушал, не перебивал, не задавал встречных вопросов. Иногда старый врач качал головой, ужасаясь той страшной патологической метаморфозе, которая произошла с его пациентом.

В то же самое время в мыслительном процессе психиатра воспроизводилось совсем другое «кино», в котором утверждалась его собственная, значимая роль в этом непростом деле.

Фантастические способности врача требовали реализации и практического применения.

Несмотря на свой преклонный возраст он продолжал верить, что придет такой момент, когда все узнают... все, наконец, узнают.

Глава 2 Повествующая об эксперименте, который иначе, как опасным не назовешь

5 дней назад 1 авг. 2019г.

Тот день начинался, как обычно. Утром Алина Тугалина чуть-чуть проспала, потом излишне долго собиралась и, в конце концов, опоздала на работу.

Без четверти девять она буквально вбежала в свой кабинет на первом этаже института, быстро привела себя в порядок и сразу включилась в дела.

Предстояло изучить важный коммерческий договор, внести в документ свои коррективы и дать ему свою юридическую оценку.

Уже с первых минут работы над договором, она поняла, что материал достаточно сырой и, следовательно, подлежит серьезной правовой обработке.

Где-то ближе к одиннадцати к ней в кабинет заглянула начальник отдела персонала Виктория Александровна.

– Алин, тебя Георгий Петрович очень просил зайти... прямо сейчас просил, – Виктория Александровна улыбнулась с присущим ей скрытым смыслом.

– Вот как? – удивилась Алина, поскольку по работе она с Георгием Петровичем ранее не пересекалась.

– Я не исключаю, что Георгий Петрович собирается тебя расколдовать, – на этот раз смысл улыбки Виктории стал очень понятен.

В институте Георгий Петрович имел репутацию неисправимого чудака и странника. Он успешно руководил отделом, занимающимся разработкой новых компьютерных программ. Георгий Петрович вне работы увлекался нумерологией, астрологией и прочими оккультными науками. По институту волной пронесли удивительные слухи о том, что он ездил в отпуск в Китай для освоения техники ясновидения. В институте поговаривали, что в Китае он научился предсказывать, предугадывать и даже пророчить.

Поднимаясь по лестнице, Алина терялась в догадках – по какому поводу ее вызвал Георгий Петрович? Уж не связано ли это с его ясновидением?

Алина открыла кабинет Георгия Петровича и вошла, старательно отбивая каблучками четкий деловой ритм.

Георгий Петрович принял ее радушно, скорее по-дружески, чем по-деловому. Он вышел из-за стола и пожал ей руку.

– Я попросил вас прийти по очень важному вопросу, Алина Николаевна. Вы мне нужны для одного научного эксперимента. Скажу сразу, если вы согласитесь, то неплохо заработаете... Выбор пал на вас по целому ряду критериев, – Георгий Петрович говорил негромким приятным голосом, сопровождаемым доброжелательной улыбкой. На его бледном морщинистом лице, что не было удивительным для его почтенного возраста, утвердилось выражение детского фанатического любопытства.

Алина чуть наклонила голову и сморщила свой маленький, как у лисы нос. Конечно, ей хотелось заработать.

Тонкие, подведенные карандашом губы кокетливо сжались и, как бы невзначай, непридуманная встречная улыбка осветила ее лицо.

– В чем заключается суть эксперимента? – спросила Алина, пряча глаза, но продолжая улыбаться.

Георгий Петрович усадил Алину на стул, а сам расположился в своем большом крутящемся кресле.

– Я давно наблюдаю за вами, Алина Николаевна, и каждое мое наблюдение подтверждает однажды зародившееся предположение о вашей высокой способности к ВТО, – Георгий Петрович с утроенным любопытством посмотрел на Алину, полагая, что его слова должны вызвать у нее удивление.

– К чему способности? – Алина свела брови, не гнушаясь того обстоятельства, что ее лоб слегка наморщился.

Георгий Петрович положил руки перед собой на стол, а Алина подумала, какие же они у него большие. Он расстегнул пиджак, ослабил галстук и принялся чуть раскачиваться в кресле.

– ВТО – это уникальная способность души человека на небольшое, незначительное время покидать границы своего брэнного тела. Выход из тела или так называемый внетелесный опыт – это редкий, и причем, очень счастливый дар, который дается только избранным. Так что, соглашайтесь, Алина Николаевна, и вы многое о себе узнаете. Вы откроете для себя новый, во многом экстравагантный мир, который, поверьте мне, лучше нашего испорченного мира.

Увлеченный своими странными, идеями, Георгий Петрович теперь походил на математика, стремящегося к открытию принципиально новой теоремы.

– Да. Но почему вы выбрали меня, а не Викторию Петровну, например? – спросила Алина, отдавая себе отчет в том, что заданный вопрос не лежит в сфере ее собственных глубинных переживаний.

– Потому что никакая Виктория Петровна в вопросе ВТО вам и в подметки не годится, – Георгий Петрович снял очки, и во всей его внешности вдруг обнаружилась откровенная беспомощность, по причине его вопиющей близорукости.

– Почему вы так считаете?

– Это сложно объясняется словами, Алина Николаевна. В общем, есть определенные качественные моменты, указывающие на то обстоятельство, что именно вы обладаете способностью к ВТО. В первую очередь повлияли особенности вашего гороскопа. Ну и, жизненные перипетии, обстоятельства, в которые вы попадали и которые вы успешно пережили. В немалой степени повлиял и ваш, скажем так, образ жизни... Думаю, что мы обязательно найдем с вами общий язык. Я уверен, что нам будет очень интересно и обоюдно полезно.

Откуда вам известно, Георгий Петрович, о моей личной жизни, а тем более о ее перипетиях? – задавая вопрос Алина кокетливо поджала губу.

– Я наблюдаю за людьми и вижу то, чего не видят другие. Простым логическим путем я прихожу к определенным выводам. Ну и далее от простого к сложному и обязательно с учетом эзотерических посылов.

– Простите, каких посылов?

– Тех самых посылов, которые способствуют раскрытию тайны.

Алина хотела спросить о какой такой тайне он говорит, но ее следующий вопрос оказался совсем другого рода.

– Где вы собираетесь проводить эксперименты? – спросила Алина, полагая, что для проведения таких необычных опытов нужны какие-то особые условия.

– Алина Николаевна, завершайте ваши дела и оформляйте краткосрочный отпуск. Мы выезжаем уже в ближайший понедельник на юг, к Черному морю. Там, в уединенном месте, где поют райские птицы и гуляют павлины, нам предстоит провести ровно семь дней, которые перевернут некоторые закоряженные представления человечества.

Алина поняла, что она попала в умело расставленные сети.

5 авг. 2019г.

За ВЫЖЖЕННОЙ ЖАРКИМ южным солнцем садовой изгородью, просматривалось бескрайнее синее море.

Алина развела переплетенные между собой стебли изрядно пожелтевшего плюща и сквозь образовавшееся в изгороди окно посмотрела наружу.

Ее предположение оказалось верным. Сразу за ограждением начинался отвесный обрыв.

Морская синева на далеком дымчатом горизонте сливалась с ярко синим небом, какое бывает только в очень жаркую погоду.

– Ну что, Алина?.. Увидела Черное море? – спросил Георгий Петрович, который в спортивном костюме выглядел значительно моложе своих лет.

– Да, Георгий, увидела

Называть Георгия Петровича по имени было не только непривычно, но и крайне неловко. Условия новой работы Алины из-за необычайных и пикантных ее особенностей, требовали называть его именно так.

– Кстати, дорога к морю там. Если хочешь, сходи, – товарищ Георгия Глеб показал в сторону сетчатой калитки за большим цветущим кустом.

Глеб работал на кафедре психологии в каком-то старом московском вузе. Звезд с неба он не хватал, но зато был счастливым владельцем небольшого особнячка в этом чудном крае.

Невысокий, полный, при этом весьма подвижный Глеб внешне напоминал Алине Карлсона из известной сказки.

Георгий и Глеб разгружали машину и заносили в дом коробки с оборудованием для работы и чемоданы с вещами.

– Мне переодеться надо, – Алина с легким пренебрежением поджала губы, зная, что простое невымученное кокетство ей к лицу.

– Пойдем, покажу тебе твои апартаменты, – Глеб рукавом широкой красной рубахи вытер обильный пот со своего широкого лба, подхватил чемодан Алины и с удивительной для его грузной комплекции легкостью поднялся на высокое крыльцо большого одноэтажного дома.

Алина последовала за ним. Они прошли через объемный пятиугольный холл, продуваемый слабым бризом сквозь открытые французские окна.

Тонкие занавески холла раздувались в такие формы, что в воображении Алины они походили на гигантских беременных женщин.

В ведущем из холла коридоре, на свежескрашенными стенами висели картины с яркими морскими пейзажами.

Глеб по-хозяйски отворил одну из коридорных дверей, вошел в комнату и не без гордости сказал:

– Номер – люкс: телевизор с интернетом, сплит, душевая кабина и туалет.

Переступив порог, Алина в задумчивости осмотрела помещение: стены, потолок, тяжелые синие шторы на окнах. При виде большой двуспальной кровати, аккуратно застеленной тонким розовым пледом, она удивительным образом смутилась и покраснела.

Глеб, стоя рядом, передернул плечами, как будто его прошиб озноб.

– Все будет хорошо, Алина. Поверьте мне, – Глеб улыбнулся и опустил козырек красной бейсболки на глаза, – в этом краю, знаете ли, сама природа наполнена глубинным романтическим смыслом, а воздух насыщен чудодейственными флюидами, распыляемыми щедрой музой любви, – как бы невзначай, Глеб коснулся руками ее локтей, – да, кстати, здесь на много километров ни души. Так что, купаться на нашем маленьком пляже можно нагишом. Это здесь не возбраняется, а наоборот, приветствуется.

«Ну нагишом, так нагишом», – с сильной иронической доминантой проговорила про себя Алина, когда дверь за Глебом, наконец, закрылась.

Она быстро разложила по шкафам вещи и, переодевшись в свободного покроя сарафан, выпорхнула из дома.

Дорога к морю оказалась узкой извилистой тропкой, петляющей меж старых сосен. Стволы высоченных деревьев наверху обросли пышными шапками пахучих зеленых крон.

Разноголосые трели райских птиц, сливались с приближающимся шумом морского прибоя.

Чистейший морской воздух, разбавленный источаемыми соснами хвойными примесями, напомнил Алине слова Глеба о присутствии в здешней атмосфере щедрой любовной музыки.

Пляж оказался узким клочком берега, усыпанным мелкой галькой вперемежку с песком. С трех сторон скалы. Повсюду огромные валуны. Ласковое синее море методично накатывало свои волны, мягко и безжалостно разбивая их о каменистый берег.

«Всего семь дней... – успокаивала себя Алина, – всего семь дней этой странной командировки и все закончится. Все пройдет, и у нее появятся деньги. Георгий заплатит, он же порядочный. Ему можно верить. Она, наконец, сможет сделать первый шаг к приобретению своей собственной квартиры».

Алина подошла к морю. День приближался к середине и стало нестерпимо жарко.

Сбросив с себя сарафан, она осталась в одном купальнике. Жаль, что на этом мини-пляже никто не увидит красоту ее замечательного купальника. А ведь она так долго выбирала его в элитном отделе ЦУМа. Там же за баснословные деньги было приобретено и нижнее белье, которое, при данных обстоятельствах приобрело статус особо важных вещей.

Без купальника появилось ощущение неизбыточной свободы и приятного щемящего стыда. Алина вошла в море сначала по колено. Когда вода дошла до пояса, она оттолкнулась от мягкого дна и поплыла.

Небо по южному быстро потемнело, а белые кучевые облака превратились в дождевые тучи.

Когда Алина вышла из воды, поднялся порывистый ветер с моря – предвестник грядущего дождя. Пришлось быстро одеться и вернуться на дачу Глеба.

СТОЛ, НАКРЫТЫЙ к обеду в просторной дачной столовой, особыми изысками не изобилдовал.

Отварная картошка, балтийская селедка, хрустящие малосольные огурцы, сладкие кубанские помидоры, разные фрукты – все это было разложено в большие тарелки и выставлено в центр стола.

– Appetit не обманешь. Он либо есть, либо его нет, Георгий подмигнул Алине, которая после прогулки на море жадно поглядывала на еду.

– Есть хочу, – ответила Алина, присаживаясь с краю стола.

– В пище важна полезность для организма. Качественная еда нужна человеку, чтобы он был в состоянии выполнять поставленную перед ним жизненную задачу, – сказал Георгий, подхватив вилкой разомлевший от жары ломтик бекона. Макнув бекон в горчицу, он немедленно отправил его в рот.

Глеб в ответ Георгию высоко поднял голову, развел руки и зевнул в ожидании очередной «умной мысли» от Георгия.

– Задача перед нами стоит грандиозная. Мы должны продвинуть идею ВТО, а иначе и быть не может. Мы просто обязаны это сделать, иначе я бы посчитал свою жизнь прожитой впустую, – Георгий еще до обеда принял приличный по объему бокал домашнего красного вина, и теперь был необычно оживлен и словоохотлив.

Глеб с мрачным видом пережевывал пищу, и с явным неудовольствием поглядывал на Георгия. В идеи, связанные с ясновидением, он не верил, считая их вещами недоказуемыми и не заслуживающими серьезного к ним внимания.

– Никакого ВТО нет и быть не может, – язвительно заметил Глеб, остужая страстный пыл Георгия, – это все сказки, фантазии, основанные на желании выдать нечто нереальное за действительное.

Георгий ответил с легкой усмешкой:

– Но, дружище Глеб, не станешь же ты возражать, что человек – это необыкновенно сложное, одухотворенное существо. Поэтому вряд ли можно утверждать, что он случайно пришел на эту землю.

Глеб отставил недоеденную тарелку с картошкой, скрестил руки перед собой и, справившись с подступившей икотой, спросил:

– Ну, и какова, по твоему мнению, цель прихода человека на землю?

– Вот! – Георгий не удержался от восклицания, – выяснение истинной цели пребывания человека на земле и есть наша главенствующая задача. Согласись, что человечество растерялось, запуталось в своих собственных идеях. Наше с тобой общество застряло в путах потребления и теперь не знает, куда ему двигаться дальше. Потерян ориентир. Тут уже и до самоуничтожения рукой подать.

Глеб отрезал лоснящийся ломтик белого адыгейского сыра, купленного по дороге в в каком-то станичном фермерском магазине.

Он положил сыр на дольку сочного розового помидора, украшенного петрушкой и перед тем, как съесть свой фантастический южный бутерброд, спросил:

– Неужели ты всерьез полагаешь, что твое пресловутое ВТО способно помочь разрешить глобальные задачи?

Георгий предпочел не отвечать. На какое-то время он ушел в себя, погрузившись в глубокомысленные фундаментальные размышления. Он будто хотел сказать:

«Увы, господа, не все объясняется словами. Иногда молчание, паузы в разговоре значат много больше».

ПОСЛЕ ОБЕДА Георгий отвел Алину в отведенную ей комнату и усадил в удобное мягкое кресло.

Простой школьной указкой он задвинул плотные шторы, и в комнате стало довольно темно, как в вечерних сумерках.

– Ну, что же. Не будем терять время. Присаживайтесь в кресло, Алина, расслабьтесь и постарайтесь осознать важность наступающего для вас момента, – речь Георгия, всегда ровная и плавная, от волнения приобрела совершенно иную динамику.

Он придвинул свое кресло вплотную, чтобы его лицо было максимально приближено к лицу Алины.

Она вытянула руки вдоль тела и чуть опустила в кресле.

Георгий настроил прибор, внешне напоминающий кардиограф, и подключил провода к Алине.

– Вы были когда-нибудь за границей? – спросил Георгий, когда шкала прибора показала единичку.

Алина отрицательно покачала головой.

– Сейчас вы там побываете... Я вас и тела и ненадолго отправлю, откомандирую, так сказать. Это будет ваш первый внетелесный опыт. Вы не должны ничего бояться и полностью мне довериться. Программа вашего пребывания за границей рассчитана примерно на два часа. После чего вы благополучно вернетесь в реальные границы своего тела и успеете еще сходить на море, – голос Георгия звучал торжественно, немного взволнованно, но при этом крайне убедительно. По привычке он раскачивался в кресле, хотя само кресло для раскачивания не было приспособлено.

– У меня есть товарищ в Англии... Его зовут Марк... Он живет в Лондоне в собственном доме. Я назову вам его адрес. Постарайтесь с ним познакомиться. Если он пригласит вас в дом, войдите и посмотрите, как он живет. Потом мне расскажете, – Георгий поменял речевую тональность. Теперь он говорил монотонно и тягуче, производя весьма странное воздействие на Алину. Ее веки потяжелели; все окружающие предметы стали выглядеть размытыми и расплывчатыми; через пару минут глаза и вовсе закрылись. Сознание подменилось новым для Алины опытом. Странное дело, она видела себя со стороны, она видела себя полулежащей в кресле с открытыми глазами. Страшнее всего было приблизиться к себе и заглянуть в свои же глаза. Георгий продолжал что-то говорить, она уже не слышала, но хорошо все понимала. Его странное воздействие с каждым мгновением усиливалось.

В следующий момент произошел мягкий отрыв от действительности. Она, как-бы заснула и растворилась во времени. Часы, минуты, года, века перестали иметь значение. Она парила в странной безмятежной пустоте. Иногда она оглядывалась на черноморскую дачу. Еще сохранялась возможность наблюдать за тем, что там происходит. Только там ничего особенного не происходило. Она видела, как Георгий поднялся и включил кондиционер, как он плотно задвинул шторы. Гораздо интереснее было созерцать пространство, которого не было, но в котором она пребывала или якобы пребывала. Это пространство можно было назвать пустотой, только и пустоты не было. Это можно было бы назвать ничем, только и ничего тоже не было. И это многократное отрицание всего вдруг приблизило ее к сумасшедшему фантастическому открытию – никакого мира на самом деле нет. Жизнь – это всего лишь иллюзия, придуманный мираж. Состояние озарения сменилось фантастически приятной радужной феерией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.